

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕГОРОВ
 кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии, Петрозаводский государственный университет
 (Петрозаводск, Российская Федерация)
akegorov@yandex.ru

СЛУХИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Слухи являются важной составной частью исторического процесса и привлекают внимание исследователей. Очень важно определить «онтологический» статус слуха как объекта исторического исследования. В науке не сложилось единого мнения о том, что есть слухи. При этом исследователи рассматривают слухи как нечто очевидное и объективное. Такая «естественная установка» по отношению к слухам может привести к заблуждениям и ошибкам. На самом деле объективно никаких слухов не существует. То, что называется слухом, есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычленяется наблюдателем из речевого потока. Сообщение становится или не становится слухом через субъективную оценку конкретного человека или социальной группы. Выделение сообщения как слуха требует определенного предварительного знания, что именно нужно искать. Люди могли не воспринимать то, что они говорили друг другу, как слухи. Одним из условий и механизмов идентификации сообщения как слуха является культурная дистанция. В России эта дистанция определялась расколом страны на «культурные верхи» и «невежественные низы». Важно учитывать, что слух исторического источника может не иметь прямого отношения к слуху, как он понимается в науке. В источниках официального происхождения слухом могло стать любое «нелепое» высказывание, подтверждающее, с точки зрения представителя «верхов», «невежество» народа. Такое понимание слухов автором источника может создать проблемы для исследователя. Источник может определить как слух то, что является не слухом, главная черта которого – передача от человека к человеку, а лишь единичным высказыванием. Историк же может посчитать, что это единичное высказывание имеет широкое распространение, оказывая влияние на поведение людей и исторический процесс.

Ключевые слова: слухи, коллективное поведение, исторический источник, историческое исследование, «естественная установка», культурный раскол страны, холера 1830–1831 годов

Слухи являются важной составной частью исторического процесса, формируя как фон исторических событий, так и непосредственно воздействуя на эти события. Особенно это касается событий, затрагивающих массы людей и их коллективное поведение. Не удивительно, что современные исследователи все чаще и чаще обращаются к изучению феномена слухов. Показателем внимания к слухам является издание сборника статей «Слухи в России XIX–XX веков», где авторы с разных сторон рассматривали это важное для истории явление [7].

Считается, что слухи могут изучаться историком в двух аспектах: или как исторический источник, в частности позволяющий лучше понять массовое сознание людей, их распространявших, или как объект исследования, когда исследуются слухи как таковые, как культурно-исторический феномен, особенности их возникновения и функционирования, их влияние на поведение людей.

Однако историк, изучая слухи, может столкнуться с серьезными трудностями. Самая очевидная из этих трудностей заключается в том, что в отличие от психолога или социолога историк не имеет прямого доступа к изучаемым слухам, он не может провести эксперимент, он узнает о слухах из тех источников, которые ему доступны.

Нас в рамках этой статьи будут интересовать другие проблемы, не менее, а быть может, и более важные в рамках изучения слухов. Целью данной статьи является рассмотрение «онтологического» статуса слуха как объекта исторического исследования, его отношения к исторической реальности и реальности источника.

За сотни лет целенаправленного изучения слухов в науке так и не сложилось единого мнения о том, что это такое, предлагается множество определений, классификаций, типологий слухов, которые с разных сторон пытаются дать понимание этой формы устной коммуникации [2; 8], [4]. Слух как будто норовит ускользнуть от однозначного определения, точно так же, как его сложно «поймать» в среде его обитания. Как отмечает И. Нарский, «слух представляет собой неуловимое явление, ускользающее от точных дефиниций и отмеченное печатью недоверия, рождаемого его недостоверностью» [5; 241].

При всех этих трудностях возникает впечатление, что историки рассматривают слухи как нечто очевидное и объективное, как то, что является общим и историку, и автору источника, из которого историк берет информацию о слухе, и той среде, в которой этот слух живет. Слух оказывается некой вещью, которая без проблем

передается от среды распространения через автора источника к историку – как будто все эти действующие лица, говоря о слухе, говорят об одном и том же. Это ясно следует, в частности, из одного исследования, посвященного изучению слухов, – его авторы прямо говорят о слухе как о «вещи» [3; 127].

Такая «естественная установка» по отношению к слухам может привести к заблуждениям и ошибкам. Дело в том, что объективно никаких слухов не существует. То, что мы называем слухом, не есть нечто объективное, однозначное, не зависящее от субъективного взгляда наблюдателя. Слух не является объектом, имеющим «всеобщий и необходимый статус». Слух – сугубо субъективное явление. То, что называется обычно слухом, на деле есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычленяется наблюдателем из речевого потока и на которое навешивается ярлык «слух». При этом одно и то же сообщение один наблюдатель может определить как слух, а другой – нет. Сообщение становится или не становится слухом через субъективную оценку конкретного человека.

А. В. Голубев в своей статье, посвященной изучению слухов, заметил, что, несмотря на приказы начальства пристально наблюдать за распространением слухов и пресекать их, местные чиновники в годы Первой мировой войны не только не делали этого, но и писали в отчетах, что проблем со слухами в их районе нет [1; 303]. И это при том, что слухи там могли ходить, ведь известно, что слухи сыграли определенную роль в революционных событиях 1917 года.

В чем причина такой невнимательности местных чиновников? С одной стороны, можно предположить, что интенсивность распространения сообщений, которые могли бы быть определены как слухи, в то время действительно была незначительной, с другой стороны, и это самое главное, – причина отмеченного Голубевым явления в том, что местный чиновник имел дело с речевой практикой населения (назовем ее «фоновой» практикой), в рамках которой никаких изначально выделенных слухов могло и не быть. Повторимся, объективно никаких слухов нет, поэтому выделение сообщения как слуха может требовать определенного предварительного знания, что именно нужно искать, какого рода сообщения являются слухами. Слух – это не вещь, подобная дереву или камню, взглянув на которую, любой человек скажет – это слух, на сообщении «не написано», что оно является слухом.

Местному чиновнику в такой ситуации могли бы помочь случаи, когда само население обозначает определенные сообщения как слухи. Но проблема в том, что для непосредственных распространителей то, что ими говорилось друг другу, как слух могло не выделяться. В современной

науке есть тезис, согласно которому слух выделяется в речи маркером «ходят слухи» и сопровождается «заговорщическим» поведением – снижение громкости голоса, специфическая мимика, наклон головы и т. п. [3; 122–123], [6; 50]. Иначе говоря, в речевом поведении слух выделяется как особый элемент.

Однако всегда ли поступали так распространители слухов? Во-первых, во многих случаях мы этого не знаем и никогда не узнаем. Во-вторых, есть основание полагать, что сообщения, которые считаются в исторической науке слухами (часто вслед за терминологией источника), на деле были обычными разговорами людей между собой, когда они обменивались своими мнениями на различные темы, когда никакого специального выделения в речи отдельного сообщения просто не было. Это была обычная повседневная жизнь, в которую люди были полностью погружены и элементы которой никак не объективировались.

Возникает вопрос, почему тогда определенные сообщения все-таки определяются как слух, принимая во внимание, что сила слуха как раз в том, чтобы не быть пойманным. На самом деле одним из условий и механизмом идентификации сообщения как слуха является культурная дистанция между средой распространения сообщения и наблюдателем, от которого и зависит, является ли данное сообщение слухом.

В России дореволюционной поры, да и советского времени тоже, эта дистанция обеспечивалась расколом страны на «культурные верхи» и «невежественные низы», а также, возможно, соответствующими отношениями власти и подчинения. Представителю верхов при контакте с населением бросались в глаза сообщения, которые воспринимались как минимум как странные, которые при этом населением как странные не воспринимались.

В качестве примера возьмем слухи, которые ходили в военных поселениях во время холеры летом 1831 года. Военные поселяне говорили о том, что холера есть дело рук «господ» и что «пришла царская рука – всех господ бить»¹. Являлись ли данные сообщения для военных поселян слухами? Ответ отрицательный. Во-первых, сообщения эти распространялись совершенно открыто, «во весь голос», никакой тайны, с которой часто ассоциируют слух, там не было. Люди, проходившие по дороге, кричали поселянам, что «бейте всех наповал, в Петербурге умели с ними управиться православные»². Во-вторых, если бы военные поселяне воспринимали эти сообщения как слухи, не факт, что бойня, которая началась в военных поселениях сразу после появления подобных «разглашений», началась бы. А мы знаем, что поселяне восстали, они убивали «господ», да еще были уверены в том, что поступили правильно и что царь наградит их за это – а как иначе, если «пришла царская рука»³.

Итак, для военных поселян указанные выше сообщения слухами не считались, а если и считались, то никакой странности они в них не видели, но вот официальные лица, авторы источников, с которыми работает историк, оценивали подобные сообщения однозначно – это слухи, при этом слухи «нелепые» и «вздорные».

С другой стороны, очевидный для образованных верхов факт, что холера есть повальная болезнь, простые поселяне воспринимали не как факт, а как слух, распространяемый начальством⁴. В результате мы имеем интересное явление: отравление как причина холеры воспринималось верхами как слух, народом – как факт; холера как болезнь воспринималась наоборот: как факт – верхами, как слух – народом.

И здесь мы подходим к еще одной важной проблеме: на каком основании авторы источников – чиновники, военные, авторы дневников и писем – определяли сообщения как слухи? Были ли у них какие-либо устойчивые критерии для этого?

Среди часто встречающихся в научной литературе критериев определения слухов можно выделить такие признаки, как устность передачи, неформальность, передача и распространение от одного к другому, неподтвержденность, выделенность в речи. Однако эти признаки являются именно научными. Что касается критериев, по которым сообщение определялось как слух в реальной исторической практике, все обстоит совершенно иначе.

Из собственного опыта изучения слухов можно утверждать, что слух исторического источника может не иметь прямого отношения к слуху, как он понимается в науке. Если мы возьмем официальные источники дореволюционной эпохи, то слух в них – это то, что «нелепо». Если мы посмотрим на то, какие прилагательные применяли авторы источников дореволюционного (да и советского) времени по отношению к слухам, то увидим слова «нелепый», «вздорный», «грязный» и т. д. [8; 323].

Слух для представителя «элиты», автора источника – это сообщение, которое выделяется в речи «народа» своей «нелепостью», «глупостью», неадекватностью, которое еще раз подтверждает невежество народа, его непонимание ситуации в стране, да еще и толкает народ на нежелательное для власти поведение – «возмуще-

ние и буйство», ажиотажный спрос на продукты первой необходимости, дезертирство и т. п. На самом деле навешивание ярлыка «слух» выражает (пусть даже ненамеренно) доминирование одной группы над другой, когда первая («элита») определяет последнюю («народ») как «невежественную», неспособную к самостоятельности и вдобавок к этому опасную, а слух – это подтверждение такой оценки.

Для историка такая ситуация может быть чревата ошибкой. Представим себе ситуацию: автор источника, услышав некое «нелепое» сообщение, может идентифицировать его как слух, хотя это сообщение является единичным, никуда не распространяется и нигде более не встречается. В источнике же будет записано примерно так: «Имярек распространял слух о том, что...», или: «В такой-то местности ходил слух о том, что...».

Прочитав подобные записи в источнике, историк придет к выводу, что в такое-то время в таком-то месте получил распространение такой-то слух. Ведь с точки зрения науки слух есть массовое явление, то есть то, что широко распространяется. В результате единичное, «нелепое» с точки зрения автора источника высказывание отдельного человека превратится на страницах исторического труда в полноценный слух как массовое явление, оказавшее влияние на поведение людей и исторический процесс. Получится так, что на основе фактически единичного высказывания будут судить о настроениях целого коллектива. По причине разницы между автором источника и историком в понимании того, что такое слух, единичное и случайное станет массовым и закономерным.

Историк, изучающий слухи в истории, не должен идти на поводу у источника, не повторять бездумно термины, этим источником употребляемые. Если историк столкнется с сообщением, которое источник определяет как слух, он должен проверить на других источниках, действительно ли это сообщение является слухом, то есть сообщением, имеющим именно массовое распространение. Единичные сообщения о слухах в источниках могут иметь отмеченную выше особенность, выдавая единичное за всеобщее. Исключение составляют лишь сводки специальных служб, информация которых представляет собой обобщение большого массива сведений с мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Серяков Л. А. Моя трудовая жизнь. Рассказ гравера, академика Л. А. Серякова // Русская старина. 1875. Т. 14. Сентябрь. С. 164.

² Рассказ инженер-подполковника Панаева, производителя работ в округе поселенного grenadierского императора Австрийского полка // Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870. С. 80.

³ Европеус И. И. Воспоминания И. И. Европеуса. Бунт военных поселян короля Прусского полка 17-го июля 1831 г. // Русская старина. 1872. № 11. Ноябрь. С. 552.

⁴ Слезскинский А. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. (по неизданным конfirmациям). Новгород, 1894. С. 138.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубев А. В. Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений 1920-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 301–313.
- Дмитриев А. В. Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 5–11.
- Крейдин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 118–127.
- Латыпов В. В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 12–17.
- Нарский И. Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалиптические слухи на Урале в годы Революции и Гражданской войны // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 231–255.
- Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 49–54.
- Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. 368 с.
- Шукшина Т. В. «За веру, царя и отечество!» Слухи и радикальный патриотизм в России октября 1905 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 321–333.

Egorov A. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RUMORS AS OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH

Rumors are an important part of any historical process, therefore, they attract due attention of multiple researchers. Consequently, it is important to determine the “ontological” status of rumors as an object of historical research. There is no consensus in historical science on what rumors are. At the same time researchers consider rumors as something obvious and objective. Such “natural attitude”, in reference to rumors, can lead to mistakes. In fact, objectively rumors do not exist. A rumor indeed is a certain message on a particular topic, which for whatever reason was singled out by the observer from the whole speech. A message becomes or does not become a rumor due to subjective evaluations of a particular person or a particular social group. Identification of the message as a rumor requires some prior knowledge of what to look for. People do not necessarily consider discussed matters as rumors. One of the conditions and mechanisms helping to identify a message as a rumor is the cultural distance. In Russia, this distance is determined by the division of the country into “cultural elite” and “ignorant lower classes”. It is important to bear in mind that the “rumor” of historical sources may not be directly related to the rumor of scientific importance. In sources of official origin any “ridiculous” statement could become a rumor, confirming, in terms of the representative of the “elite”, “ignorance” of the people. Such understanding of the concept of rumors by the author of the source can create problems for researchers. The source can define a single message as a rumor, i. e. something transferred from person to person, although in fact it is a single message. A historian may also find this singular expression rather popular, which affects peoples’ behavior and the course of historical process as a whole.

Key words: rumors, collective behavior, historical source, historical research, “natural attitude”, cultural division of the country, cholera of 1830–1831

REFERENCES

- Голубев А. В. Peasant rumors and gossip: the source or object of study? [Krest'yanskie slukhi i tolki: istochnik ili predmet issledovaniya?]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe]. 2012. № 1. P. 301–313.
- Дмитриев А. В. Rumors as an object of sociological research [Slukhi kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995. № 1. P. 5–11.
- Крейдин Г. Е., Самохин М. В. Rumors and gossip – harmony and disorder [Slukhi, spletni, molva – garmoniya i besporyadok]. *Logicheskiy analiz jazyka. Kosmos i khaos: kontseptual'nye polya poryadka i besporyadka* [Logical analysis of language. Cosmos and Chaos: conceptual field of order and disorder]. Moscow, 2003. P. 118–127.
- Латыпов В. В. Rumors: social functions condition for the appearance [Slukhi: sotsial'nye funktsii i usloviya poyavleniya]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995. № 1. P. 12–17.
- Нарский И. How a communist want to shoot the devil: apocalyptic rumors in the Urals during the Revolution and the Civil War [Kak kommunist cherta rasstrelyat' khotel: apokalipsicheskie slukhi na Urale v gody Revolutsii i Grazhdanskoy voyny]. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i “krutye poveroty” rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. P. 231–255.
- Осетрова Е. В. Rumors in speech and linguistic reality [Slukhi v rechevoy i yazykovoy deystvitel'nosti]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i jazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2003. Vol. 62. № 1. P. 49–54.
- Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i “krutye poveroty” rossiyskoy istorii [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. 368 p.
- Шукшина Т. В. “For faith, tsar and fatherland!” Rumors and radical patriotism in Russia in October 1905 [“Za veru, tsarya i otechestvo!” Slukhi i radikal'nyy patriotizm v Rossii oktyabrya 1905 g.]. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i “krutye poveroty” rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. P. 321–333.

Поступила в редакцию 17.12.2014